

GIMTOJI KALBA (RUSŲ)

I egzamino dalis

Rašinių temos ir tekstai interpretacijai

2011 m. mokyklinio brandos egzamino užduotis
Pagrindinė sesija

2011 m. birželio 2 d.

Trukmė – 3 val. (180 min.)

УКАЗАНИЯ:

- Для черновика используйте отмеченные школьной печатью листы. **Чистовик** перепишите на розданные Вам листы. На первой странице не забудьте записать свою фамилию, название школы и тему сочинения.
- Ваше сочинение (интерпретация) должно быть объемом не менее 2 страниц формата А4.
- Пишите ясно, разборчиво, ручкой синего цвета. Использовать корректор запрещается.
- Закончив работу, отдайте учителю и чистовик, и черновик. При оценивании черновик не проверяется.

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ

1. Утраты и обретения героев А.Чехова. Истинные ли они?
2. Кого из поэтов «серебряного века» я бы перечитал?
3. Испытание любовью и дружбой на страницах русской литературы (произведения по выбору учащегося)

ТЕКСТЫ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

4. И. Гончаров

«Обломов»

(отрывок)

– Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь! – продолжал он, ложась на диван.

– Какая же тебе нравится? – спросил Штольц.

Не такая, как здесь.

– Что ж здесь именно так не понравилось?

– Все, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядыванье с ног до головы; послушаешь, о чем говорят, так голова закружится, одуреешь. Кажется, люди на взгляд такие умные, с таким достоинством на лице; только и слышишь: «Этому дали то, тот получил аренду». – «Помилуйте, за что?» – кричит кто-нибудь. «Этот проигрался вчера в клубе; тот берет триста тысяч!» Скука, скука, скука!.. Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?

– Что-нибудь да должно же занимать свет и общество, – сказал Штольц, – у всякого свои интересы. На то жизнь...

– Свет, общество! Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят – за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?

– Это все старое, об этом тысячу раз говорили, – заметил Штольц. – Нет ли чего поновее?

– А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому, танцуя? Ежедневная пустая перетасовка дней! А посмотри, с какою гордостью и неведомым достоинством, отталкивающим взглядом смотрят, кто не так одет, как они, не носит их имени и звания. И воображают, несчастные, что еще они выше толпы: «Мы-де служим, где, кроме нас, никто не служит; мы в первом ряду кресел, мы на бале у князя N, куда только нас пускают»... А сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикие! Разве это живые, неспящие люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослых. Собираются, кормят друг друга, ни радушия, ни доброты, ни взаимного влечения! Собираются на обед, на вечер, как в должность, без веселья, холодно, чтоб похвастать поваром, салоном, и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому. Третьего дня, за обедом, я не знал, куда смотреть, хоть под стол залезть, когда началось терзание репутаций отсутствующих: «Тот глуп, этот низок, другой вор, третий смешон» – настоящая травля! Говоря это, глядят друг на друга такими же глазами: «вот уйди только за дверь, и тебе то же будет»... Зачем же они сходятся, если они таковы? Зачем так крепко жмут друг другу руки? Ни искреннего смеха, ни проблеска симпатии! Стараются заполучить громкий чин, имя. «У меня был такой-то, а я

был у такого-то», – хвастают потом... Что ж это за жизнь? Я не хочу ее. Чему я там научусь, что извлеку?

– Знаешь что, Илья? – сказал Штольц. – Ты рассуждаешь точно древний: в старых книгах вот так все писали. А впрочем, и то хорошо: по крайней мере рассуждаешь, не спишь. Ну, что еще? Продолжай.

– Что продолжать-то? Ты посмотри: ни на ком здесь нет свежего, здорового лица.

5. Владимир Набоков¹

Русская река (в сокращении)

Каждый помнит какую-то русскую реку, но бессильно запнется, едва говорить о ней станет: даны человеку лишь одни человечьи слова.

А ведь реки – как души – все разные... Нужно, чтоб соседу поведать о них, знать, пожалуй, русалочий лепет жемчужный, изумрудную речь водяных...

Но у каждого в сердце, где клад заковала кочевая стальная тоска, отзывается внятно, что сердцу, бывало, напевала родная река...

Для странников верных качнул я дыханьем души эти качели слогов равномерных в бессонной тиши... Повсюду, в мороз и на зное, встретишь странников этих, несущих, как чудо, как бремя страстное, родину...

Сам я – бездомный – как-то ночью стоял на мосту, в городе мгlistом, огромном, и глядел в маслянистую темноту, – рядом с тенью случайно-любимой, стройной, как черное пламя, да только с глазами безнадежно-чужими...

Я молчал, и спросила она на своем языке: «Ты меня уж забыл?» – и не в силах я был объяснить, что я – там, далеко, на реке илистой, тинистой, с именем милым, с именем что камышовая тишь... Это словно из ямочки в глине черно-синий выстрелит стриж и вдоль по сердцу носится с криком своим изумленным: вий-вий...

Это было в раю...

Это было в России.

Вот гладкая лодка плывет в тихоструйную юность мою: мимо леса, полного иволог, солнца, прохлады грибной, мимо леса, где березовый ствол чуть сквозит белизной стройной в буйном бархате хвойном...

Раз! – и тугие уключины звякают – раз! – и весло на весу проливает огнистые слезы в зеленую тень. Чу! – в прибрежном лесу кто-то легко зааукал... Как мне запомнилась эта река узорная, узкая!.. Вечереет... (И как объяснить, что значило русское: "вечереет"?)

Стрекоза, – бирюзовая нить, два крыла слюдяных, – замерла на перилах купальни... Солнце в черемухах... Колокол дальний... Тучки румяные, русые... Червячка из чехла выжмешь, за усики вытянешь, и – на крючок. Ждешь. Клюет.

А когда мне удить надоест, – на деревянный навес взберусь (...Русь!..) и оттуда беззвучно ныряю в отраженный закат... ослепленный, плыву наугад, навзничь ложусь, – и не ведаю, где я, – в небесах, на воде ли?

А теперь, в бесприютном краю, уж давно не снимая котомки, качаю-ловлю я, качаю-ловлю строки о русской речонке, строки, как отблески солнца, бессвязные...

Ведь реки – как души – все разные... Нужно, чтоб соседу поведать о них, знать, пожалуй, русалочий лепет жемчужный, изумрудную речь водяных...

Но у каждого в сердце, где клад заковала кочевая стальная тоска, отзывается внятно, что сердцу, бывало, напевала родная река...

14 сентября 1924 г. Берлин

¹ В. Набоков (1899–1977) родился в родовитой и богатой дворянской семье. Его отец – известный юрист, один из лидеров партии кадетов. В 1919 г. они покидают Россию, с тех пор Владимир не знает, что такое свой дом, живет по гостиницам, пансионатам и съемным квартирам, живет в Германии, Франции, США. Вошел в историю как классик русской и англоязычной литературы.

6. Николай Рубцов

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдет, –
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

1965